

Фелисити Шилде
@felicity_shields

Селәчнотх
трузмек

Сын «без отца», девочка с разбитым сердцем, зависимая, «золотой мальчик» и герой любовных романов — это те, кому не посчастливилось встретить 31 декабря, как когда-то в детстве, — с улыбкой до ушей и сладостным предвкушением праздника. Однако пока ещё не все потеряно, загадочный психологический проект решает подарить пятерым подросткам из разных городов большой страны и не только настоящие чудеса в самый канун Нового Года.

Слово автора

1. Основная тема истории — ваша любимая новогодняя песня.
 2. Рассказы читать можно в любом порядке.
- Спасибо и приятного чтения!:)

Первая история

Шумная, динамичная, яркая, новогодняя Москва. Кажется, огромный город кружится в предпраздничном танце, пока на него лёгкими снежинками опускается снег, превращая мир вокруг в настоящую зимнюю сказку. Всё блестит и переливается под светом новогодних гирлянд и праздничных шаров, висящих на каждой ёлке. По всем крупнейшим улицам, где собираются счастливые туристы, тянутся ароматы мандаринов и корицы. Каждый второй или третий, оказавшись в эпицентре праздника, окутывающего с ног до головы, не забывает улыбнуться, сказать что-то приятное своим близким или друзьям, идущим рядом. Кто-то и вовсе, испытывая приятное и тянущее предвкушение чудес, не забывает сфотографироваться у глянцевої витрины с новогодними шарами или огромной зелёной ёлки, украшенной несметным количеством мишуры и звездой на верхушке.

Все вкупе это напоминает сцену из какого-то рождественского фильма, где все счастливы и всё так и дышит этой атмосферой. Не хватает только добавить песни Фрэнк Синатры, и неплохое кино уже готово для просмотра снежным вечером в канун Нового Года. Однако это далеко не фильм.

Сквозь эту разукрашенную толпу идущих по Старому Арбату людей, не перестающих светиться, как и огни вокруг, натываясь на прохожих, идёт фигура. Засунув руки в карманы, недовольно шмыгая носом каждые несколько минут, стуча чёрными ботинками, пробирается она дальше, даже и не думая извиняться за свои движения. С тёмным капюшоном на голове, чуть сгорбившись и походя тем самым на ворона, фигура чуть ускоряет шаг, пытаясь совладать с нарастающими эмоциями. Всё вокруг раздражает до невозможности, начиная от противных улыбок людей и заканчивая цветастой улицей с ароматом горячего шоколада, доносящегося из ближайших лавок. Вокруг ещё эта ужасная новогодняя музыка, которую играют местные музыканты, заботливо выводя каждую ноту, в надежде получить хоть немного денег. Атмосфера вокруг, кажется, накаляется, колесо крутится быстрее и быстрее, и вскоре перед глазами фигуры предстаёт только одно сплошное месиво из всей этой глупой предпраздничной суеты, дурацких улыбок и чересчур блестящих украшений.

Не выдержав, фигура срывается на бег, теперь уже просто расталкивая любого, кто попадётся на пути. Ей всё равно, ей главное добежать до нужного места.

Кто-то вскрикивает от неожиданности, кто-то вмиг разрушает новогоднюю атмосферу одним неосторожным плохим словом, а кто-то всё же успевает отскочить.

Фигуре в любом случае всё равно. Ей необходимо убежать подальше от давящих стен зданий и раздражающих уши мелодий. От несильного потока ветра капюшон срывает, и становится видна вязаная серая шапка, покрывающая голову с короткими волосами мышинового цвета и острыми зелёными глазами. На лице царят выражения полнейшего равнодушия и какой-то отчуждённости. Только увидев станцию метро издалека, юноша успевает чуть заметно сжать губы, добежать до входа, в несколько прыжков спуститься по лестнице. В этот раз он более осторожен и старается не привлекать много внимания, поэтому переходит на шаг, но перед турникетами совершает резкий прыжок, перелетая и чуть не задев их, после чего слышится возглас охранника.

Теперь фигура припускает с двойной силой, едва не налетев на бабулю с огромной ёлкой в руках, но успевает на какое-то мгновение остановиться и обогнуть её. Позади

слышится преследование, но паренёк не сдаётся, достигая уже эскалатора, где он выбирает свободный, но закрытый от людей путь. Перепрыгивая ограждение, он вдруг понимает, что, если сейчас случайно упадёт, то ему будет конец. Сбегая вниз, фигура чуть не оказывается в чьих-то руках, хватающих её слева, потом других. Люди стараются поймать нарушителя, но не тут-то было — юноша умудряется нагнуться и вот уже через какие-то считанные секунды, пусть изрядно запыхавшись, но оказывается внизу, где его уже ждёт дежурная по станции, но парень ловко проныривает мимо, случайно толкая мужчину, сошедшего с эскалатора. Два недовольных голоса сливаются воедино, но юноша их не слышит. Ему главное успеть на поезд, и вот он слышит характерный звук, отражающийся от стен, добавляет ходу, ощущая, что ещё чуть-чуть и дышалка просто сломается или разорвётся. Нужно поспешить. Фигура устремляется дальше и, оказавшись непосредственно на станции, берёт курс на поезд, замедляющий свой ход. Вот остаётся совсем немного, лишь несколько шагов и один прыжок вперёд, чтобы оказаться в вагоне. Юноша собирает волю в кулак, прыгает и в это же самое мгновение, схваченный за капюшон, с силой падает на холодный пол, едва успев подставить руки, чтобы не удариться головой. И всё же соединение с мрамором не приносит хороших впечатлений.

Одним грубым рывком неизвестный в тёмных очках поднимает юношу и незаметно всучивает ему в руки белый конверт. Бегло прошептав «извини, что так грубо, прочтёшь, когда надо», спешит удалиться в противоположную сторону, пока ошарашенный паренёк держит длинными пальцами какое-то письмо. Чуть нахмурившись, юноша, позабыв обо всём на свете, пытается рассмотреть, что написано на конверте. И только услышав знакомые уже голоса, в момент запикивает бумагу в карман куртки, поспешно застегивая его.

Поезд метро уходит, и шансов спастись не остаётся. Перед глазами предстаёт высокая фигура охранника, приземистая — кондукторши и ещё какая-то вытянутая, — случайного прохожего — которая, впрочем, быстро удаляется. Вдвоём они ждут от юноши ответа, окидывая его упрекающими взглядами. Лишь охранник чуть смягчается, когда видит, что нарушитель потупляет взгляд и теперь смотрит в пол, скрестив руки на груди. Он не смущён, но чувствует горький вкус совести на языке и не может промолвить ни слова. Вокруг всё словно замирает, и нет уже ни звука метро, ни поспешных шагов прохожих.

— Ну и чего ты пытался добиться, малой? — ухмыльнувшись беззлобно, говорит охранник, подойдя чуть ближе и потрепав фигуру по плечу. Она едва заметно отстраняется, ощутив жжение в том месте, где до неё прикоснулись. Юноша не доверяет этим людям да и никому не доверяет на этом свете вообще. И так его часто обманывали за всю его непродолжительную семнадцатилетнюю жизнь, а в Новый Год, когда, говорят, случаются чудеса, они явно не приходят к нему. Они проходят мимо, улыбаясь и блистая яркими красками, дразнят его, а затем расходятся по чужим домам. В его же доме давно не было чудес, если не считать те дни, когда родная мать улыбается. Вот тогда действительно жизнь становится хоть немного похожей на праздник.

— Да что ты с ним церемонишься, Семёныч? Из-за таких нужно сразу звонить, чтобы штраф брали. А то приносятся эдакие да будут потом воровать кошельки у прохожих, — скрипучим голосом бубнит дежурная, какая-то пожилая женщина с нахмурившимися белесыми и смешно подёргивающимися бровями. Уперев руки в бока, она стоит и сверлит мальчишку взглядом, желая поскорее его наказать за наглость.

— Ну, Вера Олеговна, как так можно? Я тоже раньше в метро «зайцем» бегал, но не стал же преступником всё-таки, — усмехается громко и искренне охранник, словно хочет

объять всю станцию тёплым смехом. В это время фигура чуть приподнимает свой неуверенный взгляд на мужчину, в уголках глаз которого проступают морщинки от широкой улыбки. Однако Веру Олеговну это ничуть не смешит и, поджав тонкие и сухие губы, она, наконец, произносит:

— Вот и разбирайся тогда с ним! А я пойду, у меня не как у тебя — у меня смена ещё не закончилась. Да и в отличие от некоторых я хотя бы не зря сижу в кабинке, а работу выполняю. С Наступающим, кстати, — произнеся это недовольным скрежещущим голосом и окинув юношу ещё одним неприязненным взглядом, она удаляется восвояси. Проследив за её качающейся из стороны в сторону походкой, охранник поворачивается лицом к юноше, изменив выражение собственного. Сейчас мужчина более серьёзен и явно ждёт хоть какого-то слова.

— У меня не очень много денег с собой, — в конце концов, заговаривает юноша тихим, охрипшим голосом, не смея вновь встретиться взглядом с охранником. — Но, если я схожу домой, то смогу принести вам. Только завтра. Честное слово, — с каждой сказанной буквой разговаривается он всё больше и больше, но по-прежнему не решается выдавать слишком много информации о себе.

Тут охранник делает взмах рукой, чуть нахмутив густые каштановые брови.

— Это решим на месте. А пока веди меня к себе домой лучше. Покажете, как живёте, гражданин.

От неожиданности юноша округляет глаза и с выражением детского любопытства поглядывает на человека в форме. Его верхняя, более полная, губа чуть заметно вздрагивает, когда полушёпотом он спрашивает:

— Как это? А если я живу в детском доме, например?

— Не похож ты на такого, товарищ. Дорогуших часов типа твоих у таких нет, — он тянет подбородок, указывая на запястье юноши, которое украшает швейцарский циферблат со стрелками.

— Отцовский подарок, — нехотя бурчит себе под нос парень.

— Вот и познакомь меня с ним.

Услышав это, юноша чувствует комок, подступающий к горлу. Стараясь избавиться от него, он переминается с ноги на ногу, ничего не говоря, и вдруг резко и с вызовом восклицает:

— А вам-то какое дело?! И вообще — что за «товарищи» и «гражданины»? СССР распался, — метая молнии во взгляде, пронзительными зелёными глазами парень смотрит на охранника. В ответ мужчина только хмыкает и почти равнодушно произносит:

— Мне-то как раз таки никакого, а вот вам есть дело, — он поднимает вверх указательный палец. — Ты, мальчик, знаешь, что за безбилетный проезд в метро тысячу надо платить, — на секунду он замолкает, следя за лицом юноши, которое вмиг белеет и становится похожим на чистый лист бумаги. — Так что, выбирай, мой друг, — заканчивает человек в форме, похлопав нарушителя по плечу и проигнорировав его слова о Советском Союзе. Увы, но приходится согласиться.

Через каких-то несколько минут они оба едут в вагоне метро на другую станцию, находящуюся почти на самом краю города. Всю дорогу они молчат и мальчик даже не смеет сказать хотя бы слово, ощущая как всё его сознание затуманивает осознание проигрыша. Именно проигрыша, ведь теперь ему либо придётся платить, либо вести совершенно незнакомого человека к себе домой. Первый вариант, к сожалению, невозможен, а второй,

пусть и выглядит более реальным, может оказаться совершенно непредсказуемым. Хотя какое ему может быть дело? В любом случае, и так всё хуже некуда.

Наконец оказавшись снаружи метрополитена и пройдя всего несколько шагов в сторону тёмных, почти неосвещаемых улиц с жилыми или заброшенными домами, где, кажется, никто и не догадывается, что на дворе вот-вот наступит Новый Год, юноша заходится хриплым кашлем. Он разрывает всю его грудь, и поэтому парень спешит обратиться за помощью к своему сопровождающему, при этом не сбавляя шага:

— Сигаретки не найдётся?

— А тебе не рановато?

— Слушайте, через год мне уже восемнадцать. А в этом районе, поверьте, всем плевать, сколько тебе лет, лишь бы бабло было, — ничуть не стесняясь выражений, проговаривает юноша, покрасневшими от холода пальцами заправляя удлинённую чёлку за ухо.

— Хм, ну держи, — с недоверием мужчина протягивает ему пачку «Космоса» и ждёт, пока мальчуган достанет сигарету. Тот хмыкает:

— Я же говорю, что СССР больше нет, а у вас всё «Космос» да Гагарин на уме, — и всё-таки не отказывается от никотиновой палочки, зажигая её, а затем делая долгожданную затяжку. Тут он вновь произносит:

— Можете мне, кстати, не говорить, что курение вредно. Я и без вас знаю, — опережает слова мужчины, увидев краем глаза, как тот хочет что-то сказать.

— Так зачем тогда это делаешь? — удивившись его словам, спрашивает охранник. Он ненадолго отвлекается, чтобы осмотреться по сторонам. Никогда он ещё не был в этом захолустном, сером и каком-то мёртвом районе. Вокруг практически не души, и только где-то вдалеке слышится смех алкоголиков.

— А просто так. Хочу себя убить, вот и всё. И так жизнь полная... ну вы поняли, — паренёк украдкой следит за тем, с каким напряжением рядом с ним идёт его сопровождающий. Кажется, ему явно не нравится этот район.

— А как же твоя мама? Или тот же папа, например? — чуть наклонив голову набок, вопрошает он. — Это же эгоистично — хотеть их бросить на этом свете. Им без тебя будет куда хуже, — смягчившимся тоном произносит мужчина, в этот момент вглядываясь в темноту вокруг и пытаясь понять, как долго им ещё идти. Вдруг, он чуть не натывается на такую же чёрную, как эта улица, кошку, которая тут же даёт о себе знать визгливым мявом и поспешным убеганием.

— Ага, конечно. Матери на меня всё равно — ей главное поплакаться в подушку каждый день и выпить кучу успокоительного. А есть я или нет — не так уж и важно, — со злостью в голосе отвечает юноша, но спустя секунду-другую немного успокаивается. — Хотя я люблю её, и она меня вроде любит. А что касается отца — отца у меня нет. Вернее, он есть, но живёт на краю света со своей молодой любовницей и про нас даже не вспоминает. Короче, я выхожу как сын, но только сын «без отца», понимаете, — с надеждой, что его поймут, парень слегка приподнимает брови и смотрит несколько мгновений на мужчину, затем вновь закуривая сигаретку, продолжает, выпустив дым из лёгких. — А про эгоизм вы, конечно, зря. Я вообще считаю, что это нормально. Абсолютно, причём. В конце концов, эгоизм в нас заложен от природы. Каждый в стае заботится только о себе, только о том, как бы выжить и спасти свою шкуру. Но, если ты сумел перебороть это качество, то поздравляю — ты можешь зваться человеком, — извлекает он из этого вывод, удивляясь в некотором роде своим мыслям. — А неужели в вашей семье или среди знакомых нет эгоистов? А то вы

меня прямо-таки оскорбить хотите.

— У меня нет семьи. Я один живу, — говорит мужчина и добавляет. — Хочешь сказать, что ты животное, раз эгоист? — охранник добродушно улыбается уголками губ, хотя в такой темноте нет возможности увидеть этот жест.

Немного помолчав и подумав, мальчик отвечает, останавливаясь возле подъезда с навесом, покрытым парой-тройкой трещин, и входной железной дверью с домофоном, который будто уже и не работает

— Выходит, что так, да, — слышится поблекший голос юноши, и он тушит бычок об урну, а затем бросает его туда же. — Мы, кстати, пришли, — раскидывает он руки в стороны и, сжимая губы, улыбается, глядя почти без эмоций в глаза на охранника. — Дом, милый дом, — добавляет юноша, в то время как за его спиной находится пятиэтажное здание из кирпича, в редких окнах которого горит тусклый свет. Где-то со стен уже сыпется покрытие, а из чьей-то квартиры слышится самая что ни на есть грязная ругань, подкрепляемая криками.

Мужчина медленно оглядывает картину, расположившуюся перед ним, и тусклым тоном произносит:

— Ты здесь живёшь?

— Ну да, а что вы хотели? — опустив руки, парень недоверчиво приподнимает левую бровь, хотя и осознает, что реакция вполне нормальна.

— Да, в общем-то, ничего, всё нормально, — чуть приободрившись, говорит охранник, вспоминая дорогие часы паренька и сопоставляя их с грязным и обветшалым домом, раскинувшимся перед его взором. Вдруг ему становится так жаль этого мальчишку, поэтому он твёрдо произносит: — Ну что ж, веди меня в дом.

Юноша ничего не отвечает, только послушно пожимает плечами в ответ и разворачивается, чтобы подойти к домофонной двери и приложить ключ к замку. Издаётся характерный звук, и два силуэта заходят в подъезд, где до последнего и холодного пятого этажа ещё нужно дойти и где вновь продолжается разговор.

— Как вы, кстати, будете праздновать Новый год? — задаёт вопрос мужчина, терпеливо ожидая, когда мальчуган достанет из скрипучего ящика квитанцию об оплате и молчаливо ужаснётся, увидев цену на ней.

— Как? Да никак! — упрямо восклицает он, потеряв заледеневшие руки и засунув их в карманы тонких джинсов, от которых тепла ни капли. — Всё равно Новый год — это ерунда полная. Дурацкие сказки про чудеса. Ну, кто в это верит, кроме малышни? Да даже если они и происходят, то точно не у нас.

Мужчина незаметно усмехается, покачивая головой и ловя себя на мысли, что он верит. Как это получается так? Он, что — малышня?

— В них верят и взрослые. Суть ведь в том, что чудеса на то и чудеса, что приходят неожиданно и не ко всем сразу. А у кого-то чудеса находятся прямо перед носом, правда, они этого не замечают, — мужчина по-доброму смеется, и в глазах вновь появляются лучики света. Обернувшись и увидев это, паренька вдруг что-то тоже укалывает так остро в сердце, но скорлупа пока ещё слишком прочна, и он только бросает в ответ:

— Вот старик Хоттабыч мне на голову свалился.

Наконец две фигуры достигают толстой дубовой двери с небольшим глазком посередине, и юноша жмёт на чёрный звонок, над которым повисла тонкой нитью паутина. Отворяют дверь только через секунд эдак тридцать, и на пороге появляется ещё довольно

молодая кареглазая женщина с короткой стрижкой а-ля каре, правда, несколько растрёпанным. В глазах её застывает немое удивление, когда рядом с сыном она видит высокую фигуру незнакомца с большими серыми глазами и густыми тёмными бровями. Фигура светло улыбается, завидев женщину, но боится спугнуть её своим неожиданным приходом. Тут же мама парня переводит свой взгляд обратно на сына и громко, чтобы слышал мужчина, произносит:

— Ян, это ещё кто с тобой? — опасливо звучит её голос да и боязнь читается в её пусть и уставшем, но теперь более внимательном взгляде. В уголках карих глаз видны блестящие слёзы — значит, совсем недавно она снова плакала.

— Мам, не волнуйся, это мой друг — Семёныч! — неожиданно выпаливает паренёк, растягивая губы в улыбке, отчего нижняя, более тонкая, теряется за верхней. От такого представления его самого охранник немного удивляется, одаривая мальчугана косым и непонятливым взглядом, но тут же спохватывается:

— Да, меня зовут Алексей Семёнович, приятно познакомиться, — кротко заговаривает мужчина, глядя на женщину. В эту секунду он ощущает, словно что-то под ногами рушится. Кажется, причиной тому карие глаза, какие-то до боли юные, что с таким интересом оглядывают его с ног до головы. В горле неожиданно пересыхает.

— Меня зовут Александра. Александра Ильинична, но можете звать меня просто Александрой, — наконец перестав изучать мужчину в расстёгнутой куртке, из-под которой виднеется рабочая форма, женщина расплывается в тёплой улыбке, и подаёт ему руку для рукопожатия. Семёныч только успевает ответить ей, протянув вспотевшую от смущения ладонь худенькой матери Яна. Ян же в свою очередь замечает, с каким взглядом смотрит этот мужчина на его маму и понимает — кажется, он снова тут лишний. Без каких-либо слов протискивается внутрь квартиры и пробирается в свою маленькую комнатку, слыша, как позади него уже раздаётся искристый смех одной и тягучий второго. Кажется, мальчик вовремя ушёл.

Оказавшись в своей спальне, он тут же закрывает за собой дверь, плюхается на диван и спешит вынуть из кармана джинсов заветный конверт, который он так хотел посмотреть всю дорогу, но так и не решился. На нём изображена голубая новогодняя игрушка в виде ёлочного шара и аккуратными чёрными прописными буквами указан обратный адрес: «Организация «Чудо под бой курантов»».

Так-так-так, при одном взгляде на это название у Яна в голове всплывают воспоминания: кажется, полгода назад его мать что-то об этом говорила. Вроде хотела поучаствовать в какой-то новой акции, обещавшей помочь, однако удивительным было то, что женщине ответили. Хотя мальчик сомневался, что это не было каким-то розыгрышем.

Взглянув на адрес отправки, юноша видит свои имя и фамилию. В нетерпении он разрывает конверт, умудрившись порвать и некоторую часть письма. Развернув его со скоростью молнии, он с жадностью вчитывается в слова:

«Дорогой Ян... бла-бла-бла... мы пишем тебе, потому что знаем, что ты уже давно перестал верить в этот мир и в то, что не всегда всё так плохо. Позволь нам помочь. В этот день, день, когда совсем немного остаётся до Нового года и исполнения желаний, мы хотим тебе помочь. Наверное, ты уже успел познакомиться с таким же одиноким человеком, как и ты? Мы думаем, ты понимаешь, о ком мы говорим», — на этом моменте в комнату стучат, и из-за двери высовывается темноволосая голова Семёныча, у которого тут же розовеют уши, как у какого-то подростка.

— Прости, не знал, что ты занят. Я просто пришёл спросить, не хочешь ли ты ужинать? Мама тебя как раз приглашает.

При слове «ужин» у Яна глаза едва ли не лезут на лоб. С каких пор его мать готовит праздничный ужин? Тем не менее, совладав со своими эмоциями, юноша отвечает немного сухо:

— Да, спасибо, я позже подойду, — парень снова обращает внимание на текст, давая знать охраннику, что он занят. Однако в этот момент слышится удивлённый голос Семёныча:

— Ты увлекаешься резьбой по дереву? — с неподдельным восторгом восклицает он и в один миг оказывается у полки с искусно сделанными деревянными фигурками. В глазах его загорается интерес, и он, широко улыбаясь, смотрит на юношу. Тот какое-то мгновение ничего не говорит, но потом, чуть посветлев, продолжает:

— Да, было дело. Сейчас, правда, не особо выходит. Да и лица у меня не получаются, — он указывает на фигурки открытой ладонью, и можно сразу заметить, что ни у одного человечка нет ни глаз, ни носа, ни рта.

— Давай, я тебя научу? — и, услышав это, глаза Яна тоже наполняются какой-то детской и нечаянной радостью.

Весь остаток вечера проходит за учёбой, и ни один из этих двоих не смеет отвлекаться ни на секунду. Вооружившись двумя ножичками, мальчик и мужчина сидят на тёплом ковре, единственном предмете интерьера, сохранившем уют в этой холодной комнате с побелёнными стенами, старым диваном и ветхим книжным шкафом с парой-тройкой учебников. Изредка в дверях появляется мама, которая неожиданно для себя ощущает в душе приятную нежность, разливающуюся по телу от такой картины. Она не верит своим глазам и порой тихонько щипает себя за тонкую кожу руки, чувствуя, что всё происходит по-настоящему.

Когда уроки кончаются и взбодрившийся Семёныч следует за мамой Яна на кухню, сам Ян ненадолго остаётся в своей спальне, чтобы дочитать письмо. На губах его впервые за долгие месяцы играет улыбка без притворства, и всё это так непривычно. С каждым прочитанным словом становится только лучше:

«Ему, как и вам с мамой, нужна помощь. Нам кажется, что тем самым вы поможете друг другу. Нам кажется, что каждый заслуживает чуда в новогоднюю ночь. И каждый заслуживает счастливого Нового года. Так что, будьте счастливы. Мы будем верить и надеяться, что всё с вами будет хорошо.

А, если...» — и дальше Ян не читает. Он резко рвёт кусок письма, начинающийся с этого слова, и тут же подбегает к окну, чтобы выбросить бумагу на улицу, на свободу. Потому что «если» нет и не будет. Есть только «чудо», и этот Новый год.

Кусочки письма, оказавшись на просторе, тут же подхватываются ветром и вместе со снегом разлетаются по сторонам — кто куда. Ян вдыхает чудесный зимний воздух, прикрывает глаза на какую-то долю секунды и, услышав слова «Ян, сколько нам с Алексеем тебя ждать, ведь сейчас уже президент будет говорить», пареньёк бежит на кухню к своей семье.

Вторая история

Маленький промышленный городок, расположившийся на севере огромной, почти необъятной страны, замедляет жемчужно-белым снегом, который касается земли и под грязными ботинками прохожих в скором времени превращается в буроватую массу. Здесь не так много людей и не так остро ощущается грядущий праздник. О нём, кажется, помнит лишь малая часть населения, как, например, продавец газет и журналов, повесивший над окном своего ларька багряную мишуру, или социальные работники, поставившие возле детского дома большую ёлку, от которой плывет по морозному воздуху свежий аромат шишек. Одна из тех, кто ждёт не дожждётся наступающего праздника, который вот-вот должен прийти в каждый дом, — меньше чем через день — сейчас стоит перед зеркалом своей спальни.

Те-ре-за.

Не имя, а бальзам, растекающийся на языке при произнесении, заполняющий всё сознание и мысли. Кажется, на это имя должна откликнуться какая-то аристократичная бледнолицая особа с тонкими запястьями, от которых вверх до ключиц идёт лёгкая полупрозрачная вуаль, накинутая на острые плечи. Облачена красавица в шёлковое золотистое платье, перетянутое сверху корсетом, а на ногах её красуются туфли на изящном каблукке, который при соприкосновении с полом издаёт мелодичный звук, похожий на звон колокольчиков.

Те-ре-за.

Получается, что почти так оно и есть, пусть даже у девушки нет в гардеробе ни корсета, ни золотистого платья, зато есть она сама — не человек, а сплошное эстетическое наслаждение, подаренное природой. Вот сейчас красавица стоит перед зеркалом, чуть прищурив серо-голубые глаза с пушистыми чёрными ресницами, и посыпает юные и свежие щеки еле заметным слоем пудры. Затем она убирает пудру в сторону, взявшись за тоненький колпачок блеска для губ, который открывает, а потом наносит содержимое лёгким слоем на мягкие пышные губы. Остаётся лишь подправить густые брови уже давно неиспользуемой по назначению щёткой от туши, вновь припудрить вздёрнутый немного и покрытый рыжеватыми веснушками носик. Изучив вновь своё отражение в зеркале, красавица мягко улыбается себе, заправляет длинные вьющиеся волосы за уши и в этот же самый момент слышит телефонный звонок.

— Баранински, слышишь меня?

Те-ре-за. Баранински. Тереза Баранински. Враз прекрасное впечатление от имени разбивается о скалы и летит в чёрную пустоту ущелья.

— Баранински, ау?

— А, да, привет, Мить, — вспыхнув мысленно от того, что её вновь называют по фамилии, хотя терпеть этого не может, говорит она. В любом случае виду об эмоциях не подаёт, а только нервно тербит пальцами вязаную кофту на себе и держит телефон у уха. — Как у тебя дела? Лучше себя чувствуешь? Ты уже пришёл?

Юноша отвечает сразу же, довольно резким тоном, ничуть того не смущаясь:

— Нет, нормасом всё. Короче, я сегодня не приду, у меня праздничная тренировка. Да и чувствую себя лучше, вроде горло не болит. Вот, короче, зачем звоню, — сам того не

замечая, он заставляет сердце девушки чуть дрогнуть от сожаления. — Ну, это. Завтра, если чё встретимся? У меня отец с матерью укатят по магазинам, вот тогда и приходи. Слишком тепло не одевайся, у меня отопление работает. Да и сядем рядышком, я тебя обниму, всё такое, — после этого он неприятно смеется, чуть ли не гогочет. Девушку это, правда, не сильно трогает. Она привыкла к подобным «подколам» и шуточкам, хотя и становится стыдно, если кто-то когда-либо слышит подобное от её парня. — С НГ тебя, короче! Не грусти, оливье не наедайся, а то жирной будешь. А сейчас просто чудо зато. Ну, в общем, бывай, — он снова заходится беспричинным и режущим уши смехом, и только тогда Тереза умудряется тихо сказать:

— Тебя тоже с Наступающим. Люблю, — вполголоса и подавленно, потеряно, хотя с большим чувством. Больше Митя ничего не говорит, а только сбрасывает вызов, оставляя свою вторую половинку одну. Оставляя её в состоянии тихой грусти и полнейшей отчуждённости от мира. Тереза неслышно опускается на диван, подгибая под себя колени, и глядит в одну-единственную точку на полу, что выбрали её кукольно-холодные глаза в этот самый момент. Пальцы её сжимают нежно-розовую простынь под ногами с силой, отчего белеют костяшки пальцев. Сидя как фарфоровое изваяние на мягкой кровати с пушистыми подушками, Тереза не сразу замечает очередной звонок телефона, вырывающий её из беспомыслия.

— Алло? — едва слышимым голосом произносит она в трубку.

— Тес! Привет! Как дела у тебя? — на другом конце провода восклицает тонким голосом подруга Терезы по имени Катя.

— Привет, пойдёт, а как сама? — немного недовольно протягивает девушка, медленно приподнимаясь с кровати.

— Что-то случилось? — мгновенно чувствует Катя настроение Терезы и решает проигнорировать вопрос.

— Нет, то есть... да опять у Мити не выходит на свидание пойти.

— И так уже пять дней подряд... — слышится монотонный голос с того конца. — Ты вообще уверена в том, что у вас, хотя забудь.

— Что у нас? Нет, ты уж договаривай! — хмурит бровки Тереза, мгновенно меняясь в лице и будто бы готовясь бросить подруге какое-то злостное ругательство.

— Мне кажется, — ненадолго останавливается Катя. — Мне кажется, что он тебя не воспринимает, как подобает. Даже никогда не интересуется, как себя чувствуешь, не болеешь ли, как дела? Да и вообще, ты ему уже раз сто говорила, что тебе твоя фамилия не нравится, а он всё «Баранински» да «Баранински». И он тебя хоть с Новым Годом-то поздравил? По-нормальному?! — не унимается девушка, с каждым словом всё более разгораясь. На секунду она понимает, что перегибает палку, поэтому успокаивается и старается дышать чуть глубже. — Прости. Я просто хочу помочь, как подруга. Жаль, выходит как-то резко, — продолжает она сиплым голосом, словно болеет, и, пусть Тереза этого не видит, кусает губы, ощущая вкус крови.

— Резко, говоришь?! — выкрикивает красавица, что складывается впечатление, будто стены розовой комнаты сотрясаются. — Да ла-адно?

— Прости, — ломается Катя всё больше и больше, осознавая, что зря дала волю собственному мнению — лучше б помалкивала. — Не знаю, что на меня нашло. В общем, — медлит девушка. — Хотела спросить, не могла бы ты мне одолжить на сегодняшний вечер своё платье, ну, то, голубое, с блёстками? Или любое, абсолютно. Мне всё равно, так что,

какое тебе не жалко. У моего папы ведь завтра день рождения, и он, наверное, хочет, чтобы я хоть когда-то красивой была, — Катя чуть усмехается от своей детской нелепости и глотает подступающие слёзы — живёт она с матерью, бабушкой и дедушкой, а отец лишь раз в год находит время, чтобы приехать из Москвы к семье. — Понимаешь? — спрашивает, втайне надеясь, что её подруга больше не злится из-за сказанных ранее слов. Ведь сказала это Катя как-то ненароком, а теперь чувствует укол совести за испорченное подруге настроение.

— Ага, бегу и падаю, — и сбрасывает вызов, отдуваясь от непослушных светлых волос, падающих на щёки. Терезе только и хочется сейчас, что выбить дверь, дотопать до кухни и пожаловаться на всё маме. Хотя сил хватает лишь на то, чтобы быстро одеться, завязать лицо красным кашемировым шарфом, чтобы не было видно разгоряченных щёк и выбежать из дома, на ходу попрощавшись с мамой и папой, готовящими праздничный ужин.

Спускаясь по лестнице, Тереза укутывается чуть теплее в свою тонкую курточку не по сезону, зато искусно расшитую шёлковыми нитями, и надевает варежки. На одном из лестничных поворотов к подошве её лакированных сапог на каблук клеится какой-то белый конверт. Буркнув что-то невнятное и вновь нахмурившись, Тереза приподнимает ногу, чтобы отклеить это нечто. Смяв конверт, ей хочется выбросить его из окна и, приподнимаясь на цыпочках, она уже хочет это сделать, но вовремя замечает нацарапанное на бумаге имя.

— Чего? — вслух удивляется и тут же передумывает избавляться от письма. Разворачивает, чуть отряхивает грязь и вчитывается в адрес, облакачиваясь о подъездную стену. Напряжённо дымчато-серые глаза бегают по строчкам, округляются. Брови сдвигаются, создавая тонкую морщинку между ними, а потом вновь разглаживаются, когда Терезе становится менее волнительно. Вот только дрожь в коленках никто не отменял, и девушка явственно предчувствует, что ещё совсем немного, и она убежит обратно в квартиру, бросив злосчастное письмо валяться в подъезде. Ну, кто, скажите, кто за ней следил, раз так много о ней знает? Наверняка, чья-то глупая шутка. Ещё и эта розовая ёлочная игрушка на конверте словно насмехается: с Новым годом, не правда ли?

«Милая Тереза, это, наверное, странно — получать письма от незнакомцев? Да ещё и не в почтовом ящике, как это обычно бывает. Что ж, прости нас. Сейчас речь пойдёт о другом.

Ты уже подготовила своей подруге подарок? Что-то нам подсказывает, что нет. Ну что ж, если это действительно так, то стоит поторопиться. Остаются считанные часы до Нового года. Тем более что ты должна быть благодарна своей подруге. Она спасла тебя уже не раз и ещё много раз спасёт. Не теряй её и будь счастлива в Новом году, Тереза!

С любовью,

Организация «Чудо под бой курантов»».

— Помогла она мне, ну-ну! — топает ногой красавица, лицом теперь более походя на зрелый помидор. Со злости она разрывает это письмо, которое, кажется, написано с целью её раззадорить, и пулей вылетает из подъезда.

Оказавшись на морозном воздухе, пощипывающем нос и щёки, Тереза чуть остывает, но не сбавляет шагу. Ей сейчас даже нет дела до того, как она выглядит и красиво ли накрашены её ресницы. Злость разрывает грудь и одновременно заполняет все мысли.

«Куда катится этот мир? Анонимные письма и сообщения даже в Новый год! Что, неужели у людей не хватает смелости сказать всё в лицо? Хотя куда им — храбрецы они только с масками на лицах» — уже спокойным шагом бредёт девушка по снежным улицам городка и рассуждает о подобном. Из-за подруги и письма всё праздничное настроение катится к чертям, и ни люди с пакетами «С праздником!», ни улыбающиеся дети, лепящие

снеговика, не способны вернуть былой запал. Тереза только и может, что доплестись до ближайшего супермаркета и купить там бенгальские огни в яркой упаковке и зажигалку — слава Богу, восемнадцать лет уже исполнилось. Отправив покупки в карман, она вновь выходит на улицу и продолжает идти туда, куда приведут её собственные же глаза — подальше от праздничной суеты и очереди людей в магазине, желающей закупиться ингредиентами для оливье. Глаза приводят девушку в одинокий, едва ли не заброшенный парк, в котором она бывала один или два раза — уже и не помнит. Отряхнув от снега сиденье качели, она присаживается туда и медленно, словно её заставляют, а она не хочет, снимает варежки и достаёт одной рукой из цветастой упаковки бенгальскую свечу, а другой — аккуратно, почти не дыша, зажигает её, и вот озорной огонёк начинает искриться на воздухе. Тереза невольно улыбается и словно замороженная глядит на это зрелище несколько секунд, отчего, впрочем, начинают болеть глаза, поэтому приходится отвлечься. Совсем скоро это занятие начинает надоедать, и Тереза, сама того не замечая, клонит голову вбок по привычке, когда хочется спать. Глаза её прикрываются, застилая пеленой всё вокруг, пока девушка вдруг не замечает знакомую фигуру. И вот тогда её сердце делает пару ударов, потом словно бы замирает — замирает также и время. Бенгальская свеча, как это бывает в фильмах, падает наземь, прямо в пушистый снег, а по щеке уже тянется тоненькая струйка слёз.

Митя. Митенька. Говорил же, что у него тренировка, что он занят, а завтра они встретятся. А вот сейчас стоит под плотным сухим дубом и нежно, как и Терезу, обнимает какую-то девочку с забавной короткой стрижкой. Тереза не видит её лица, да и, пожалуй, не хочет видеть. Перед глазами всё расплывается ещё сильнее, и в ушах слышатся только недавние слова Мити, что всё будет завтра, «с НГ тебя». Вот и праздник. Вот и Новый год тебе!

— И даже не смей со мной теперь разговаривать! — визгливо выкрикивает красавица, хотя до дуба шагов двадцать точно, но пусть — пусть он слышит это! Тереза вскакивает с качелей, роняя вмиг всю коробку бенгальских огоньков, что лежали на её коленях до этого, и убегает в неизвестную ей самой сторону. Не смотрит, не хочет видеть реакцию Мити — пусть лучше видит её та самая девушка, в объятиях которой он сейчас находится. Пусть всё знает.

Тереза бежит через парк, запинаясь, падает, обжигается и так покрасневшими руками о снег, вновь встаёт и бежит — дальше, дальше. Впереди виднеется знакомый дом, что готов радушно её принять в любое время, жаль только не осознаёт она этого. Теперь в мыслях беспорядочным роём жужжат слова Кати, а ведь она пыталась защитить её, но Тереза не слушала. Всплывает в памяти и недавнее письмо. Пророческое оно, что ли?

Уставшая, запыхавшаяся и изрядно вспотевшая, с налипшими на лоб волосами, Тереза уже не походит на девушку с обложки. Глаза налиты кровью, кончик носа, как у Деда Мороза, но девушка знает — Кате всё равно, как выглядит её подруга.

— Катенька, открой. Это я, — измождённым голосом проговаривает Тереза, выбрав квартиру на домофоне. Получив приглашение войти, правда, молчаливое, девушка не находит в себе сил подняться по лестнице, поэтому вызывает лифт, а, когда встаёт напротив входной двери, теряется, не зная, что сказать. Когда перед ней появляется Катя, погрузневшая после недавней ссоры, с глазами всё ещё влажными, Тереза, не отдавая себе отчёта, бросается к подруге на шею и крепко-крепко обнимает её, как никогда этого не делала раньше.

— Прости меня. Я была так, так не права, Катя! — восклицает красавица с распухшими глазами и с силой зажмуривается, отчего даже становится больно. На секунду она отстраняется, чтобы увидеть слегка оживившуюся подругу и промолвить вполголоса, и встряхнуть её легонько за плечи. — Пойдём ко мне домой. У меня как раз мама с папой дома лосося жарят, а ещё я тебе кучу-кучу своих платьев дам, а ты выберешь любое. Да хоть все, — всхлипывает девушка, улыбаясь сквозь слёзы. Её тут же захватывает в объятия Катя — крепкие, тёплые объятия — и беззаботно отвечает, обнимая подругу:

— Да ничего мне от тебя не надо, Тес. Только наша дружба... Ах да! — более обыденным тоном вскликивает Катя, выпустив счастливую Терезу из объятий. — Давай в этом году ёлку вместе украсим!

И Тереза, разулыбавшись, энергично кивает.

Третья история

Когда стакан наполняется водой почти до краев, Марина отстраняет его от крана кулера для воды и подносит к губам. Едва выпячивает их, чтобы, наконец, избавиться от ощущения пустыни во рту. Однако тут же отдёргивает от себя стакан, неприятно сморщившись. Обожглась. В который раз уже.

Создать нормальную температуру жидкости удаётся только на следующей попытке, когда Марина добавляет холодную воду. Вновь проворачивает прежние действия, но уже не отпрыгивает от сосуда, как в прошлый раз. Вода в стакане приятно греет замёрзшие пальцы. Холодно в здании что-то в этот день.

Закончив с этим, Маринка бросает использованный стаканчик в мусорное ведро неподалёку и, застегнув зелёный в полоску халат, под которым прячется забавная фиолетовая пижамка, идёт дальше по белому коридору. В очередной раз бросает взгляд тёмно-вишнёвых глаз на двери, ведущие в палаты, которые днём обычно бывают открыты. Про себя Марина отмечает, какая из палат украшена лучше всех — вот эта, например, под номером семь, так и сверкает от гирлянд, которые заботливые медсёстры разместили на стенах. Правда, складывается такое впечатление, что ещё совсем немного, и они оттуда упадут. Подумав об этом, Маринке становится неуютно, как только она представляет это. Что ж, потом снова придётся их туда вешать, а то и вовсе оставлять помещение без праздничного настроения.

После седьмой палаты восьмая, девятая и десятая кажутся не такими уж новогодними, если не считать пышной мишуры, лежащей на подоконнике. В глубине души Марина надеется, что эту мишуру так просто не оставят и решат-таки хоть куда-то её приспособить, а то от вида одиноко покоящихся украшений становится даже грустно. Впрочем, в больнице нельзя грустить лишний раз, а то так и до серьёзной депрессии недалёко. В самые первые недели, как Марина попала сюда, у неё не находилось никаких сил на то, чтобы просто улыбнуться. Правда, и со здоровьем у неё было хуже, чем сейчас. Сейчас хотя бы девочка умудрялась бродить по коридорам, когда ей это разрешали. Словно она хотела найти что-то новое в этих надоевших стенах, покрашенных белой краской, кулере с водой, стоявшего у самого окна, и виде оттуда, который открывался на детскую площадку одного из жилых домов небольшого канадского городка. Правда, никогда не находила и только лишний раз мучила себя картиной счастливой семьи, гуляющей по улице, или детей, с весёлыми улыбками, качающимися на качелях. Всё это растравливало её и так несчастное сердце, и хотелось просто окунуться в атмосферу беззаботности и радости. Но жизнь её тянулась медленно и как-то протяжно в этой пусть даже светлой, как снег, выпавший пару недель назад, но такой неродной больнице. Ни одного знакомого слова, ни одной знакомой шутки — всё только французская речь со специфичным произношением звука «р». Если в школе это было довольно интересно, — улучшать познания в языке, которому тебя учили твои родители с пяти лет, как только переехали в другую страну — то среди холодных палат и медицинского персонала, пусть даже пытающегося всегда помочь и подбодрить, это было невыносимо. Спасали только русские новогодние фильмы, которые одни были способны поднять со дна настроение пятнадцатилетней Маринки, страдающей от гепатита С, который совсем недавно распахнул перед ней новые просторы несчастий и невзгод под названием

«цирроз печени». Именно на этом моменте девочка поняла, что выход ей теперь преградила огромная кирпичная стена высотой в пять, а то и более метров — толстая, кирпичная, в несколько слоёв и непробиваемая. Конечно, Марине могли помочь избавиться от неё, чтобы продолжить свой путь дальше уже без жуткой боли в правом подреберье, в состоянии постоянного опасения за свою жизнь и на строжайшей диете, но откуда у семьи Лукиных, то есть семьи Марины, могли найтись лишние триста тысяч долларов? Вот и приходится ждать какого-то чуда, втайне надеясь на щедрый подарок судьбы, коротая дни в одной из больниц уже родного канадского городка.

Маринка, оказавшись в своей палате, тут же плюхается на свою кровать, и подбирает под себя ноги, усаживаясь поудобнее. Пока рядом с ней никого нет, и поэтому можно без всяких угрызений совести включать звук на телефоне без наушников. Чуть-чуть порывшись в сохранённых видеозаписях, Марина натывается взглядом на свой любимый новогодний фильм, смотреть который уже стало традицией не только для неё, но и для большей части населения родной страны — «Иронию судьбы». Нажав на «Play» и укрывшись на удивление мягким пуховым покрывалом, девочка погружается в атмосферу настоящего праздника, разворачивающегося на небольшом экране её смартфона. Так сильно она увлекается любимым кино, что не сразу замечает медсестру, стоящую на пороге.

— Марина! — вновь повторяет работница больницы, проглатывая, как и все французы, «р» в её имени, уже громче, и только тогда девочка отвлекается, убирая телефон на тумбочку. В глазах Марины повисает усталость, и она глубоко вздыхает, поднимаясь с постели. Губы медсестры в это время чуть дёргаются в улыбке, пока она следит за девочкой, ожидая того момента, когда можно будет её обрадовать.

Вместе они идут по узкому длинному коридору, пару раз сворачивая направо, оказываются в довольно большой палате, на стенах которой висят задорные детские рисунки, разукрашенные яркими цветами. Это кабинет, где обычно дети, лечащиеся в этой больнице, принимают различные лекарства. Марина не является исключением, поэтому встаёт в небольшую очередь из ребят, которые, как и она, пришли сюда за очередной порцией медикаментов. Дети тут разных возрастов и разных характеров. Вот, к примеру, мальчишка Понс, который младше Маринки на год, со своей компанией таких же, как он мальчишек, постоянно подшучивает над девочкой, повторяя одни и те же слова день изо дня: «Ха-ха, наркоманка. Что ж ты кололась-то грязным шприцом?» Только Марина ни разу в жизни не курила, не пила и уж тем более не «кололась». Да и в голову такое не приходило никогда.

Из-за таких людей девочка стала понимать, что нечего лишний раз разглагольствовать про свою болезнь. Лучше молчать и игнорировать таких, как Понс, если они решат что-то спросить или посмеяться. Правда, Марина тоже могла бы смеяться над Понсом, видя, как из-за своего заболевания его рвало едва ли не каждый день, но она этого не делала. Наоборот, однажды поздним вечером услышав, как он плакал в своей палате, когда все ушли на процедуры, Марина взяла за правило каждый день просовывать ему под дверь анонимные записки с ободряющими цитатами. Пусть даже Понс об этом и не догадывался, но девочке почему-то становилось легче, когда она думала о том, что каждое утро мальчик просыпается и находит в себе силы жить дальше. По крайней мере, хотелось на это надеяться.

— Марина, ты знаешь, у меня для тебя хорошая новость, — щебечет медсестра Маринке едва ли не на ухо, пока они идут обратно в палату. Девочке приятна такая забота, но скептицизм, развившийся от пребывания в больнице, не даёт и шанса насладиться этим и

хоть капельку улыбнуться. Однако следующие слова белокурой медсестры мгновенно выводят Марину из состояния апатии. — К тебе сегодня твои родители заедут вечером, а я им сказала, что они и с твоим другом познакомятся. Ну, которому ты постоянно записки под дверь подкладываешь, — едва ли не взвизгивает от радости медсестра, хотя всё же сдерживается, вместо этого лучезарно улыбаясь. А вот Марине явно уже не до радости — с кем родителей знакомить? С этим Понсом, что ли? Так он, скорее, обзовёт её парой «ласковых» вместо того, что б поболтать, как ровесник с почти ровесником.

— Спасибо, мадам Марсо, что предупредили, — с чуть заметным русским акцентом отвечает Маринка, стараясь не показывать истинные эмоции, и тоже улыбается, пусть даже наигранно. Когда медсестра, радостная, что сделала великое дело, удаляется, девочка так же, как и днём, садится на кровать. Сразу же обращает внимание на то, что не выключила экран телефона, когда уходила. Здорово, значит, придётся ещё искать момент, на котором остановился фильм в прошлый раз.

Снова Маринка подгибает под себя ноги, укутывается в одеяло и в этот раз решает надеть наушники, чтобы никто не беспокоил. Фильм продолжается, и на экране сменяется одна сцена за другой. Знаменитая песня главной героини легонько задевает определённые струны души, и вот Марина прикрывает глаза от наслаждения, улетаая далеко-далеко за облака, прочь от ненавистной больницы и лекарств. Из состояния блаженства её вновь вырывает голос, только в этот раз мужской, вернее даже мальчишеский. Голос достаточно громкий, чтобы на него обратили внимание.

— Что смотришь? — спрашивает он. От неожиданности Маринка распахивает глаза и видит перед своей кроватью чуть смущенного, что удивительно, Понса, который стоит и даже не ухмыляется. Просто стоит в полнейшем одиночестве и с любопытством глядит на зрелище, которым сейчас является Марина. Действительно, сидит такая загадочная с закрытыми глазами, улыбается блаженно и слушает ещё что-то в наушниках. Бледная, худая, с забавным облачком каштановых волос и несколькими родинками на левой щеке. Едва завидев Понса, Маринка краснеет сердито и перестает улыбаться, сменяя улыбку на сжатые уголки губ, которые так и говорят, что Понсу лучше уйти.

— Ничего, — грозно отвечает Маринка, встряхнув волосами. Глаза мечут молнии, словно это не их хозяйка пытается подбадривать Понса каждый день. — Посмеяться пришёл? Так уходи!

— Слушай, — равнодушно говорит мальчишка, опустив взгляд погрустневших глаз в пол. Он закрывает за собой дверь, и в этот же момент что-то у Марины в душе обрывается. «Что ты задумал?»

— Слушай, — повторяет он, разворачиваясь к испуганной девочке, отложившей наушники с телефоном в сторону и встающей с кровати. Словно готовится к битве. — Я знаю, что это ты мне записки отправляешь.

— Медсестра донесла?

— Нет, сам догадался, — отрицательно качает Понс головой, чуть улыбнувшись. — Я специально вышел вчера утром и спрятался за колонной. Вот и увидел, кто этот аноним.

— Умно! — признает Маринка и всё ещё не спешит доверять Понсу. Она принимает позицию слушателя, поэтому наостряет уши.

— Спасибо за поддержку, Марина, — благодарно продолжает мальчик. — Извини, что подшучивал над тобой. Мне просто нужно было выместить на ком-то свою злость из-за болезни. Ну, судьба распорядилась так, что этим кем-то оказалась ты. Я решил это сказать,

потому что завтра меня, наконец, выписывают, и мы вроде как больше не увидимся. В общем, прости ещё раз, — заканчивает Понс, и Маринка в это время неожиданно замечает дрожащие капельки слёз, застывшие в уголках его глаз. Понс оборачивается, хватаясь за ручку двери и, более ничего не говоря, выходит за пределы палаты, но Маринин голос его останавливает:

— Я смотрю новогодний фильм. Ты же спрашивал. Он, правда, будет тебе непонятен, но он классный. Не хочешь вместе посмотреть?

И Понс присоединяется к девочке, пододвигая к её кровати деревянный стул, чтобы присесть рядом и погрузиться в просмотр. Впрямь ничего и не понятно, но Понс увлекается просмотром, абсолютно забывая про языковые барьеры. На экране то и дело мелькает красивая актриса и довольно забавный главный герой.

Когда до фильма остаются считанные минуты, на телефон приходит сообщение, и Марина просит Понса подождать, отвлекаясь на прочтение «смс»-ки. К ней прикреплена картинка фиолетового ёлочного шарика, а в самом сообщении значится:

«Здравствуй, Марина.

Надеемся, ты чувствуешь себя лучше. Наша организация «Чудо под бой курантов» спешит поздравить тебя с наступающим праздником и пожелать тебе здоровья. Правда, одного нам пожелать мало, и у нас припасено для тебя кое-что.

Помнишь, несколько месяцев назад ты и твои родители записались в очередь на трансплантацию печени в России? Наверное, это были долгие и тяжёлые месяцы, но сейчас удача улыбнулась тебе. Лови счастливый билет в новую жизнь, Марина!

С Новым годом!»

Девочка непонимающе глядит на это письмо, пытаясь мысленно связать всё в одно целое. Трансплантация, «Чудо под бой курантов», новая жизнь. Очередное письмо даёт знать о себе привычным звуком новой «смс»-ки, и Марина говорит Понсу подождать ещё немного. Только прочитав следующий текст, девочка всё мгновенно понимает:

«Поздравляем, Марина.

До вас дошла очередь на пересадку печени» и указаны дата с названием Московской больницы.

— Понс, — шепчет Маринка, теребя мальчишку за рукав свитера, всё ещё глядя на текст. В глазах её застывают слезинки и так же, как и у Понса совсем недавно, легонько подрагивают от каждого движения. — Я буду здоровой, Понс! — и кидается к своим коленям, обнимая их, разрываемая потоком счастливых слёз. Понс ненавязчиво нависает над ней, тоже коротко обняв её, и вдруг тихо-тихо, так по-доброму говорит:

— С Новым годом, Марина. Пусть он будет счастливым для обоих из нас.

Четвёртая история

В огромной зале с лиловым тюлем, развевающимся от дуновения ветра, который попадает внутрь через огромные, до потолка окна, ходит множество людей. Женщины в длинных вечерних платьях, заказанных у именитых дизайнеров, и мужчины в элегантных костюмах и лакированных ботинках, поблескивающих на каждом шагу их хозяина, обмениваются новостями, натянуто улыбаются и коротко смеются, запивая едва ли не каждое предложение пузырястым шампанским, разлитым в высокие бокалы. В зале царит официальная атмосфера, и тут нет места разговорам о чём-то посредственном и обыденном. Здесь обсуждаются вопросы о ситуации в сфере искусства и культуры, о недавней пьесе известного в Петербурге драматурга, об образовании, ну и на худой конец — политике.

Двадцатилетний парень по имени Миша, одетый в зауженный чёрный костюм, разбавленный белой рубашкой, выглядывающей из-под пиджака, и зачесавший свои кудрявые и непослушные светлые волосы назад, создавая этим деловой образ, явно скучает на этом празднике. Подложив ладонь под острый подбородок, равнодушным взглядом окидывает он всю эту светящуюся залу, посередине которой возвышается зелёная новогодняя ель, к сожалению, искусственная, и ждёт не дожждётся окончания сего мероприятия. Отец его вместе с матерью находятся неподалёку, залиvisto, но с ноткой наигранности, смеясь в компании каких-то раскрученных телеведущих. Миша не смотрит телевизор, поэтому понятия не имеет, почему настолько почётно быть в их компании, нежели чем в компании сына. Впрочем, пора уже привыкнуть к великому игнорированию со стороны семьи.

Еле слышно вздохнув, Миша поднимается из-за стола, за которым он сидит в гордом одиночестве почти целый час, и подходит к отцу, сохраняя на лице выражение полнейшего пренебрежения к происходящему.

— Па, я пойду, развеюсь, а то тут жуть, как скучно, — обращается он к родителю, сразу же обратив на себя внимание кучи известных людей, что сейчас глядят на него не без доли любопытства.

— О, так это ваш сын, Кирилл? — слегка округлив зеленоватые глаза, которые окаймляют накладные ресницы, спрашивает какая-то дамочка в синем. Миша переводит на неё взгляд своих равнодушных голубых глаз, правда, ничего не говорит.

— Да-да, Лизонька, это мой сын — Миша. Знакомьтесь, — представляет своего отпрыска уже немного седой мужчина с идеально выбритым лицом. Вся его статная фигура излучает уверенность, но при встрече с сыном отец позволяет себе неловко поправить галстук.

— Миш, действительно, иди, погуляй. Можешь даже друзей к себе позвать, только тихо сидите, — вступает в разговор ещё довольно молодая мать с лебединой шеей и греческим носом, украшающим её напудренное лицо. Она сохраняет серьёзность, но, когда Миша послушно уходит, вновь улыбается гостям. Только в тот момент, когда её сын скрывается за величественными дубовыми дверями, ведущими в залу, бросает на него волнующийся взгляд и сразу же спешит запить переживания искрящимся напитком в её бокале.

Оказавшись за пределами поднадоевшего помещения, Миша проходит по длинному и довольно узкому коридору, пол которого покрывает дорогой палас, купленный родителями юноши в Милане несколько лет назад. Однако сейчас никому уже нет до этого дела, и никто

из посещающих дом Евсеевых не задумывается, что вышагивает по ковру ценой в пять тысяч долларов. Ах, какое невежество.

Миша задумывается об этом на несколько мгновений и усмехается, продолжая свой путь по светлому коридору, который освещают многочисленные настенные канделябры. Словно попадаешь в прошлое, когда находишься в подобном месте. Только завернув за угол, открыв дверь в комнату Миши, любой может понять, что на дворе далеко не восемнадцатый век, едва увидев мощный компьютер, прозрачный журнальный столик на чёрных ножках и довольно скромную кровать.

Зайдя в комнату, мальчик даже не включает свет, а сразу достаёт из ближайшего комода стопку зелёных банкнот, только вышедших с печати и потому совершенно гладких и пахнущих краской. Слегка улыбнувшись при виде купюр, Миша одновременно вынимает из кармана висящей на крючке рядом куртки свой новенький седьмой айфон, причём совершенно нежеланный. Зайдя во «ВКонтакте» в мгновение ока находит нужного человека в огромном списке друзей и пишет: «Скоро буду. Ждите меня».

Закончив с сообщением, парень убирает телефон обратно в карман куртки, надевает её и уже через несколько минут выходит из комнаты, и идёт дальше по коридору в направлении гаража. Там он садится за руль недавно купленного BMW, и через некоторое время мчится из загородного дома в сторону одного из самых известных ресторанов города. Там Мишу ещё на входе встречают внимательные работники заведения, приветливо улыбающиеся клиенту. Юноша игнорирует их улыбки, зная, что может себе позволить подобное поведение, и идёт через весь зал, в котором играют иностранные новогодние песни, к своим приятелям. Те приветствуют его несочетающимся с этим богатым местом свистом.

— Ну, ты и разодеться, Мих, — смеется один из троих друзей, окидывая парня взглядом с ног до головы, начиная с напояженных волос и заканчивая блестящими ботинками. Миша вновь усмехается и присаживается рядом с остальными, ничего не отвечая.

— Миша! — бросается в объятия к своему парню черноволосая девушка модельной внешности из их компании. На мягких красных губах её застывает довольно уютная улыбка. Только встретившись взглядом с Мишей, она целует его, обнимая за шею, притягивает к себе. Два друга из компании, сидящие напротив, переглядываются и подавляют смешки. Когда парочка влюбленных отрывается друг от друга, Миша бросает взгляд на меню, так даже и не поздоровавшись со своей девушкой, и говорит:

— Давайте заказывать что-нибудь уже, — слышится спокойный тон.

И так компания друзей поочередно выбирает блюда из папки в кожаном переплёте, причем ориентируясь лишь на самые дорогие, самые изысканные. Каждый из друзей готов потратить все свои имеющиеся на сегодняшний день деньги, лишь бы только отметить Новый год на достойном для них уровне. Совсем скоро стол заполняют чёрная и красная икра, осётр, пять видов салатов, каждый из которых обязательно содержит какой-нибудь редкий продукт, известный только богатой прослойке населения. Иными словами, шикуют друзья в эту праздничную ночь. Слышатся смех, разговоры, обсуждения того, что подарили родители каждому в этом году. У одного пополнился запас брендовых курток, у другой — сумочек, а третьему и четвёртому подарили по машине. Ребята выпивают, закусывают и просто наслаждаются тем, что могут позволить себе этот вечер, эти блюда и эту компанию. В ресторане по-прежнему играет новогодняя музыка, пахнет мандаринами, которые бесплатно раздают каждому посетителю официанты, а само помещение украшено в стиле надвигающегося праздника. В один момент, правда, в приятную атмосферу врывается нечто

чужое, чего в этом изобилующем дорогими интерьером и меню месте не ждут. В носы ближайших от дверей посетителей бьёт запах грязи и пота. Почти неслышно внутрь заведения заходит обросший поседевшими и спутанными волосами человек, одетый в рваную тёмную одежду, такую же запачканную, старую и похожую на лоскутки, нежели чем на одеяние. Человек проводит тыльной стороной красной, покрытой морщинами, ладони по носу и шумно вдыхает воздух. Подобная картина сразу же заставляет присутствующих в зале отвлечься от приятно пахнущих, искусно приготовленных блюд и обратить внимание на незваного гостя.

— Это, кажется, бомж, — шепчет девушка Миши ему на ухо, с опаской поглядывая на незнакомца. Миша не отвечает и сам напряжённо следит за каждым движением мужчины. Человек сразу же понимает, что находится в центре внимания, поэтому спешит высказаться:

— Люди дорогие, — он оглядывает посетителей и раскидывает широкие руки в стороны. — С Наступающим! Подсобите на праздник чем-нибудь, а. Совсем оголодал ведь.

— Чем вам помочь-то? Нужно было в своё время работать, а не сидеть на диване, — говорит какой-то деловой паренёк, которому на вид едва ли больше восемнадцати лет, одетый по последнему писку моды. Больше ничего не говоря, он аккуратно берёт вилкой кусочек мягкого розового мяса, лежащего на его идеально белой тарелке.

Бомж молчит, окидывая взглядом остальных, надеясь хоть на какую-то помощь. Только никто не спешит ему помогать, все словно впали в ступор, и ни у одного присутствующего в зале не находится решительности, чтобы ответить незнакомцу.

— И на том спасибо, — заканчивает мужчина, поникнув головой и опустив взгляд отуманенных глаз в пол. Он разворачивается и, едва не столкнувшись с молодой официанткой, которая тут же шарахается в противоположную сторону от незнакомца, выходит из заведения. Минуту-другую люди молчат, но затем вновь начинаются разговоры и обсуждения, слышатся смех и характерный лязг вилок и ложек, ножей.

Миша тоже отвлекается от произошедшего, присоединяясь к разговору, происходящему за его столом.

— Боже! Да вы видели его? Не удивлюсь, если скоро бомжи начнут ходить по всем ресторанам. Нет, именно ведь не в столовую какую-то зашёл, а в ресторан! — смеется девушка Миши, высоко приподнимая брови. Друзья напротив тоже заходятся издевательским смехом. Мише вдруг становится некомфортно. — Вот дурак. Чего он тут думал получить? — продолжает черноволосая красавица, поглядывая на своего парня. Она притягивает его к себе и почти на ухо спрашивает:

— Ну, правда, надо же быть таким тупым! Да, Миша? — она прикусывает нижнюю губу, стараясь выглядеть привлекательно. Миша остаётся холоден и ничего не отвечает. На лице его застывает полнейшее выражение апатии, которое после слов девушки сменяется недовольством. Брови нависают над небесными глазами, уголки губ чуть подрагивают. Друзья Миши сразу замечают это и спешат прийти на помощь. Один из них, чуть удивившись, спрашивает:

— Мих, ты чего?

— Да ничего! — неожиданно воспламеняется он, вскакивая из-за стола, отчего девушка его едва не падает, потеряв равновесие в виде своего парня. Голубоглазый юноша в течение нескольких мгновений окидывает пылающим взглядом всю свою компанию и, бросив деньги за блюда на стол, срывается с места, на выходе хватая свою куртку с крючка и надевая её на ходу, когда оказывается на холодной заснеженной улице. Миша сердито сплевывает куда-то

в сторону и, увидев на другой стороне дороги знакомую фигуру, спешит за ней. На переходе в него едва не въезжает машина, которая яростно сигналиит, но Мише всё равно. Знакомый силуэт не должен скрыться. Остаётся ещё несколько шагов, и парень уже кладёт свою правую руку мужчине на плечо. Тот оборачивается.

— Возьмите, и с Новым годом, — коротко говорит Миша, не смея поднять взгляд на испещрённое морщинами лицо бомжа. Он протягивает ему тысячную купюру и, когда удивлённый человек дрожащими пальцами хватается за деньги, нашептывая слова благодарности, парень спешит скрыться из виду. Теперь, когда новогодний вечер покотился к чёрту по его же вине, идти кроме как не домой, больше некуда. Именно поэтому Миша возвращается к машине, оставленной у ресторана, боясь встретиться там со своими друзьями. К счастью, он видит их несколько шокированные лица с улицы через окна, где висят жёлтые гирлянды, и буквально подбегает к своему автомобилю. Садится, заводит двигатель и поспешно отъезжает от злополучного местечка. Всё дальше и дальше уезжает он от ресторана, набирая скорость, устремляясь вдаль. Недавний поступок дурманит разум, и Мише сложно признаться, что ему было жаль того человека в лохмотьях. При друзьях ему хотелось скрыть истинную сущность своих чувств, но сейчас всё кажется намного более близким, чем обычно. Намного более реальным. Нет, пожалуй, Миша умеет чувствовать, но это скрыто очень и очень глубоко. Даже родители говорят, что он думает только о себе и том, как бы повеселиться и растратить имеющиеся деньги, но и сам Миша думает так же. В один момент юноша слишком сильно погружается в собственные мысли, терзающие душу, что не замечает тёмный силуэт, возникший посередине дороги.

Как в замедленной съёмке, он жмёт на газ прямо на одном из перекрёстков северной столицы России. Скорость не так велика, и удара о руль не происходит, но Мишу чуть встряхивает, а снаружи слышится глухой удар. В испуге парень окончательно останавливает машину, невзирая на непрекращающееся движение вокруг, и выбегает из неё, оказываясь рядом с бампером своего авто. Возле него скулит тёмно-серая лохматая собака, вытягивая вперёд переднюю лапу. Собака не может встать на неё и поэтому сидит на холодной и сырой земле, продолжая скулить и озираться по сторонам испуганными чёрными глазами.

— Это... я тебя так? — тихо спрашивает Миша, словно думает, что животное ему ответит. Он и сам напуган, он боится. Боится, что чуть не убил собаку. Юноша приседает на корточки и аккуратно берёт лапу бедного животного, отчего оно взвизгивает, как бешеное.

— Прости! — восклицает он, тут же отпуская лапу. В это самое время начинают сигналить машины, вокруг собираются люди. Миша в одночасье понимает, что нет смысла разбираться в чём-то сейчас, поэтому, игнорируя любопытные взгляды прохожих, он поднимает худое тело собаки на руки и доносит до задних сидений своего автомобиля. Позади продолжают сигналить, нетерпеливые объезжают чёрный BMW, что-то выкрикнув Мише. Что-то очень плохое. Он продолжает делать вид, что не слышит, хотя через некоторое время заводит двигатель и едет домой. Вместе с раненым животным.

Совсем скоро скулящая от боли собака и молчаливый Миша оказываются возле богатого дома семьи Евсеевых. Стараясь быть неслышимым, младший Евсеев оставляет автомобиль в гараже возвращается в свою комнату через окно, благо, что комната на первом этаже, но в этот раз вместе со спутником. Собака изнывает от боли, ей страшно от того, что лапа не двигается и что сердце вот-вот сломает рёбра.

— Тише-тише, — повторяет Миша шёпотом и, опустив собаку на свою простенькую кровать, подходит к выключателю. Зажигает свет, и комнату теперь озаряют сотни гирлянд,

навешанных на стены, окно и даже изголовье кровати. В углу пристроилась маленькая ёлочка — в этот раз настоящая, а потому приятно пахнущая.

Собака на секунду-другую замолкает, заинтересованно оглядываясь по сторонам. Она наклоняет голову вбок и вдруг как громко гавкнет.

— Тш! — моментально подставляет Миша палец к губам. Правда, что может понять собака — можно подумать. Но на удивление, собака больше не лает и только глубоко вздыхает — совсем как человек.

— Так, ладно, Рекс. Ты сиди тут, а я пойду, разыщу что-нибудь подходящее, — совершенно серьёзно говорит Миша собаке и скрывается за дверь. Очутившись в коридоре, он явно слышит довольно громкий звук музыки, играющей в главной зале. Значит, всё чисто. Пройдя пару шагов, Миша находит под ногами, прямо на дорогом ковре, белый конверт, который, кажется, кто-то оставил. Парень аккуратно приподнимает его и тут уже удивляется, увидев своё имя в качестве имени получателя, а также изображение блестящей ёлочной игрушки чёрного цвета. Нетерпеливо разворачивает конверт и читает письмо:

«Миша, здравствуй.

Ты знаешь, что сегодня особенный день? Сегодня ты, наконец, понял, что отличает тебя от друзей, правильно? Именно поэтому ты должен завести новых, на которых можно положиться и которые будут под стать тебе.

Ну а пока, с Новым годом тебя и с первым новым другом! Надеюсь, мы сумели тебе хоть немного помочь.

Организация «Чудо под бой курантов».

Прочитав это и сходяв за необходимым, Миша возвращается к себе в комнату через десять, а то и пятнадцать минут, вооружённый целой аптёчкой и пакетиком мяса из холодильника, а также таинственным конвертом. Конверт он, правда, убирает в выдвижной шкаф, подальше от любопытных глаз. По-прежнему парень не может понять, кто отправил ему это и зачем? Хотя в любом случае этот кто-то словно бы всё предвидел. Удивительно.

— Смотри, что у меня есть, — говорит Миша, присаживаясь перед кроватью и раскрывая пакет, выкладывает еду на пол. Собака задорно поднимает уши и, хромая на одну ногу, спускается вниз. Голод даёт о себе знать, и животное практически в два укуса расправляется со своим ужином. Она довольно облизывается и с интересом смотрит на пока ещё незнакомца.

— Ну а теперь пора тебе помочь с тем, чем я учудил, — добавляет Миша и, боясь причинить собаке боль, берёт в руки её лапу. В течение какого-то времени он осматривает её, приходя к выводу, что довольно сильно ушиб бедное животное. Затем, не найдя подходящих средств, решает забинтовать лапу, чтобы хотя бы попытаться помочь своему новому другу.

— Ну, что-о ж, — протягивает Миша, легонько похлопав пса по спине. — Завтра поведу тебя к ветеринару, а пока вот так, — он улыбается и смотрит на собаку. Наступает тишина, потому что Миша не знает, что ещё ему предпринять. Он всегда мечтал о питомце, но даже и не думал, что начнётся всё со столь неприятного события. Юноша решает отвлечься от этих мыслей, не выдерживая неподобающе умного взгляда животного. Он откидывается назад, подпирая собой кровать, и, нащупав пульт на журнальном столике, включает музыкальный канал на большом экране, занявшем противоположную стену. Опять звучат какие-то новогодние песни. И в этот самый момент собака, ковыляя, подходит ближе к Мише, медленно ложится на пол. Она кладёт свою серую всклокоченную голову парню на колени и

засыпает прямо так, чуть посапывая.

Мишка улыбается, глядя на доброе животное и, не желая спугнуть чужой сон, вполголоса говорит:

— С Новым годом, Рекс. Теперь ты обрёл дом.

Пятая история

За резными деревянными окнами, расположившимися в тесной, но довольно уютной комнатухе, валит снег. Тяжёлыми белыми хлопьями покрывает он землю, замедляет совсем недавночищенные дороги маленькой деревеньки Поволжья. Из-за такого снегопада на улице можно встретить едва ли двух-трёх человек, вышедших пройтись до соседа или миниатюрного продуктового магазинчика на самом краю поселения.

На улице — холодно, а в домике — тепло. Укутавшись в коллючее, но вполне согревающее в зимнюю пору одеяло, шестнадцатилетний Юра с упоением читает любимую книгу, порою волнуясь за главных героев так, что прикусывает случайно язык. Пожалуй, если бы в таком состоянии его увидели одноклассники, то они бы просто махнули рукой, сославшись на то, что Юра такой всегда — ему лишь бы дать почитать. Но только трое самых близких ему людей из семьи знают, что привлекают Юру совсем не фантастические рассказы или научные статьи, а любовные романы — такие сказочно-сладкие, от которых в теле разливается нечто приятное и терпкое. Узнай это Юрины одноклассники, они бы точно сочли это за отличную причину для издевательств, но благо Юра предпочитал молчать. Хотя был один человек, кроме семьи, которому однажды пришлось довериться. Её звали Евой и, не оказавшись она рядом с мальчиком в тот момент, когда из его рук выпала книга в школьном коридоре, она бы ничего и не знала. В тот раз Юре пришлось всё рассказать, когда он поймал на себе любопытный взгляд васильковых глаз, невинно похлопывающих ресницами. Парень нехотя сознался, и именно на этом секрете у двух ребят завязалась довольно крепкая дружба, не такая, как та, что складывалась между Юрой и его друзьями-мальчиками. Было в этих отношениях что-то не поддающееся объяснению, и какая-то неловкость постоянно присутствовала в поведении хотя бы одного из друзей. Так продолжалось более года, и с тех пор многое встало на свои места, многое прояснилось. Больше не было никакой недосказанности, и каждый ощущал себя именно тем, кем являлся. Пока в один день в груди одного из друзей не затеплилось какое-то другое, ещё пока окутанное туманом неизвестности, но с каждым днём всё более и более ясное, чувство.

— Юра! — зовёт мама из коридора, что мальчик едва не подпрыгивает на своём кресле от неожиданности. Он захлопывает книгу и спешит спрятать её под покрывало. Семья, конечно, знает, что Юра из рода юных романтиков, и во многом наслышана о том, что он уже давно мечтает о чистой и искренней юной любви. Однако порой ей кажется, что это лишь подростковый возраст, навевающий подобные ощущения. Со временем всё уйдёт, всё развеется. Вот только Юра так не думает. — Мне самой кормить куриц или как? Папа ещё не скоро с работы вернётся, так давай хотя бы с птицами пока закончим. Потом почитаешь ещё, — наконец, в комнату из коридора заходит Юрина мама — темноволосая женщина с сухой кожей, такими же высушенными губами, зато с горящими не по возрасту глазами. Она одета в простую одежду, которую обычно надевают для работы те, для кого не имеет значение их внешний вид во время труда. Мама упирает руки в бока и выжидающе глядит на сына. К счастью, его не приходится долго ждать, и вот он выскакивает из своего царства уюта и чтения, подходя к шкафу возле кровати. Юра довольно быстро одевается в более тёплую для зимы одежду: накидывает поверх вязанного мамой свитера пухлую куртку чёрного цвета, болоньевые штаны на размер больше, а на выходе из двухкомнатного домика

запрыгивает в огромные отцовские валенки. Своих нет, вот и приходится донашивать за более взрослыми членами семьи. Хотя Юра совершенно не жалуется на это.

Вскоре мать с сыном оказываются в тёмном курятнике, где источником света является одна-единственная лампочка, раскачивающаяся из стороны в сторону под низким потолком. Здесь довольно тихо, но, когда внутрь заходят два человека, вместе с открытой дверью впуская и лучи света, пара каких-то беспокойных куриц считает нужным обязательно закудаhtать и подпрыгнуть, насколько это является возможным для коротких лапок. И так две птицы запускают настоящую цепь из последователей, и вот уже весь курятник заполняют привычные для куриц звуки.

— Тише-тише, — старается успокоить их мама Юры, поскорее высыпая зерно на пол. Сын её поступает точно так же, подходя к другой группе разбушевавшихся куриц, скрывшихся за деревянной перегородкой. Скоро в курятнике вновь становится тихо, когда птицы понимают, что бояться нечего, а лучше как следует поесть и успокоиться.

— Ну, Слава богу! — извлекает из себя Юрина мама, вытирая рукавом куртки капельки пота, выступившие на лбу. — Вот ведь беспокойные животные.

— И всё никак не могут к нам привыкнуть, — дополняет мальчик, поглядев с улыбкой на мать, пусть и при свете одинокой лампы его лицо едва ли освещено достаточно, чтобы увидеть это выражение.

— Да, Юра. Читать любовные романы куда легче, ведь так? — без тени упрёка говорит женщина, выходя из курятника на свет, который тут же ослепляет её чуть подуставшие глаза. Юру это, тем не менее, задевает, хотя он не стремится показать матери свои эмоции. — Знаешь, может, мне тоже их почитать? В юности-то я тоже много читала, а потом как-то ушло всё.

— Если хочешь, можешь взять у меня на полке любую из книг. Думаю, они все тебе понравятся, — спокойно отвечает Юра и вместе с матерью возвращается в домик, поднимаясь по деревянным, скользким в этот день, ступеням. — Осторожнее! — подхватывает он за локоть маму, которая на секунду теряет равновесие. Поддерживая её, Юра доходит с ней до сеней, где они снимают обувь и проходят в дом, источающий от узорных деревянных стен аромат смолы.

— Сегодня с утра, кстати, Ева заходила. Говорила, что ты можешь прийти к ней в гости к трём часам, а потом она тебе предлагала прогуляться до поляны. Можешь пойти, всё равно пока работа закончена, — говорит мама, присаживаясь на кухонный диван. Юра стоит неподалёку и внимательно смотрит на мать.

— Хорошо, тогда я схожу.

— Иди-иди, конечно. Я буду папу ждать и пока заодно ещё салат приготовлю, — расплывается мама в улыбке, глаза её сужаются и теперь светятся. Юра в нерешительности не двигается секунду-другую, а потом тоже выжимает из себя некое подобие улыбки и уходит в небольшую гостиную, в которой совсем недавно читал книгу. Он сам не узнаёт себя сейчас и не понимает, почему так молчалив и скуп на эмоции, ведь так ждал того, что на Новый год они с Евой обязательно посидят у кого-нибудь в гостях, пообщаются. Как обычно будут много смеяться и пить зелёный чай, который так любит Ева и так ненавидит Юра, хотя молчит об этом, чтобы не обидеть подругу. Но не сегодня. Сегодня, после прочтения очередной главы любовной истории, мальчик не может оставаться в этой маленькой деревне. У него есть идея, и он должен её исполнить, пусть даже менее чем через сутки наступит Новый год. Тем более что этим же утром юноша получил загадочное письмо, на

конверте которого красовался зелёный ёлочный шарик и в котором было написано следующее:

«Дорогой Юра,

Надеемся, что этот Новый год принесёт тебе только лучшие впечатления. И лучших людей. Хотя, знаешь, нам кажется, что ты, как и герои любовных романов, должен найти её. Наверное, ты понимаешь, о ком мы. Так ищи же её, и ты обязательно найдёшь. Всё обязательно будет складываться как нельзя лучше! Только не забудь, что всё самое важное у тебя прямо перед носом. Не пропусти свой шанс.

Организация «Чудо под бой курантов».

Это во многом сбило парня с толку, но он понял одно — этот день, 31 декабря, должен стать решающим.

Юра начинает лихорадочно собирать вещи в свой школьный рюкзак, в каникулы свободный от учебников: свитер, брюки, нижнее бельё и пару носков. Быстро хватая он с кресла любовный роман, кладёт и его тоже. Проверяет наличие денег в рюкзаке — кажется, на первое время хватит. Юра чувствует, что должен спешить именно сегодня, именно в канун Нового года, чтобы со следующего дня начать новую жизнь, так сказать, перевернуть страницу своей книги на новую главу. Ему приходится в мгновение ока пролететь мимо мамы, так ничего ей не сказав, пока она будет удивляться такой спешке, надеть огромные валенки и, спотыкаясь, выбежать за дверь, а потом и за высокие ворота. На спине болтается битком набитый рюкзак, валенки падают с ног да и нос ещё щипает от холода, но Юра не сдаётся. Собрав всю свою волю в кулак, мальчик бежит по сугробам, выбегает на пустую узкую дорогу, по которой лишь иногда проезжают машины, да и те, чаще всего, не местные. Бежать ещё до конца деревни, а там и по полю, чтобы, наконец, добраться до шумной трассы. Что дальше — это уже неизвестно. Это должна быть новая жизнь.

— Эй! Куда собрался, умник? — доносится до ушей Юры голос. Помимо прочего, знакомый. Мальчик застывает на месте, боясь выдохнуть, пошевелиться. Его ноги наливаются свинцом. Через несколько мгновений перед глазами предстаёт улыбающаяся, но явно что-то подозревающая светловолосая девчушка одного возраста с Юрой и с глазами цвета океана. На голове её тёплая шапка с помпоном, который трясётся при каждом движении. Девочка приподнимает одну бровь и ждёт ответа.

Юра поглядывает в пол, боясь посмотреть на подругу, и смущённо отвечает:

— Новую жизнь решил начать, — серые глаза совестливо бегают по заснеженной белой земле.

— Посмотри на меня, Юр, — Ева приподнимает прохладными пальцами его лицо, пусть даже мальчик выше на пол головы. Ей хочется, чтобы его глаза смотрели на её — так проще говорить только правду. — Давай, ты всё-таки зайдёшь ко мне, а там и объяснишь всё?

— Я бежать должен, понимаешь? — устало говорит Юра, чуть вздыхая.

— Я всё-всё понимаю, — улыбается девушка, словно что-то задумала. — Вот только пока мы не поговорим, никуда ты не пойдёшь, — и без лишних комментариев она берёт его за руку и ведёт за собой. Впрочем, Юрка и не сопротивляется вовсе, наоборот, крепче хватается за тонкую ладонь.

Двое друзей проходят пару домов, прежде чем заходят в следующий, на воротах которого висят новогодние гирлянды — наверное, единственный признак того, что скоро наступит долгожданный праздник во всей деревне. Ева открывает калитку и приглашает

Юру пройти вслед за ней.

— У меня родители в гостинной, но они сказали, что мы можем посидеть в сарае, — оборачиваясь к другу, вполголоса говорит девочка и тянет его за собой. — В общем, пойдём.

Когда Юра приходил в гости к Еве, то обычно всегда бывал у неё дома и только раз или два оказывался в сарае. Правда, в этот раз он был не против там оказаться, потому что разговор обещал быть куда более честным именно там, где нет лишних глаз и ушей. Так лучше. Да и этот сарай отличался от тех, где хранили какие-то принадлежности для работы — сарай Евиных родителей представлял собой компактное помещение с кроватью, деревянным шкафом, который совсем недавно покрыли лаком, чтобы покрытие перестало трескаться, и маленьким ночником на стене. В общем-то, по освещению этот сарай не уступал курятнику семьи Юры.

— Садись, — говорит Ева, присаживаясь на кровать, а сама хлопает ладонью рядом с собой, приглашая друга присоединиться. Он переминается с ноги на ногу в нерешительности, будто ему предлагают что-то непристойное, и получает такие слова:

— Ты чего? Присаживайся, а я пока схожу за чаем и мандаринами, — привстаёт Ева, откидывая светлые волосы за плечи.

— Не надо. Прости. Задумался, — поспешно оправдывается Юра и садится на кровать. Он чувствует себя неуютно впервые за долгое время вместе с Евой. Только в этот день он остро ощущает то, что не должен здесь находиться. Впрочем, выхода не остаётся, когда Ева присаживается рядом, пододвигается ближе и устремляет взор на друга.

— Я слушаю, — улыбается она.

— Я думаю, что я должен поехать к бабушке в город. Она примет меня обязательно, и я похожу там в школу, поучусь до одиннадцатого класса. Сдам экзамены и там же поступлю в вуз, — практически скороговоркой проговаривает Юра, вновь не желая встречаться с подругой взглядом.

— Сто-оп, — останавливает его Ева, всё ещё ничего не понимая. — С чего ты это задумал?

— Понимаешь... — теперь уже медлит Юра, поглядев на Еву, теряясь в её бездонных глазах, чувствуя, что не выдержит их вида. — Новый год — это новая жизнь, и я бы хотел начать всё с чистого листа. Потому что сейчас я знаю, что не смогу жить здесь. Я хочу найти ту единственную, о которой пишут все эти авторы в их романах. Я чувствую, что моё сердце скоро разорвётся. И меня не станет! — щёки у парня краснеют, кровь быстрее бежит по жилам от этого признания.

Он в этот момент замечает, что Ева отвернулась, он видит только профиль и грустные глаза, устремлённые в пол, так же как и у него совсем недавно. Она молчит и только через силу выдавливая из себя, пытаясь не показывать свои истинные чувства:

— Значит, тебя не устраивает та единственная, с которой ты знаком? — в эту секунду Ева поворачивается лицом к Юре, и теперь он видит только глаза, которые вот-вот разразятся плачем. — И пусть сейчас это похоже на дешёвую драму, — она грустно усмехается. — Но я думала, что хоть в Новый год ты что-то поймёшь.

Сердце у Юры замедляет свой ход, он видит всё словно во сне и не верит своим ушам, но продолжает:

— Ты ещё не всё дослушала, — парень сглатывает ком, образовавшийся в горле. — Здесь в деревне у меня есть неразделённые чувства, из-за которых я должен был уехать. Я думал, что у меня ничего не выйдет, я разочаровался, и...

— И что? — вскрикивает Ева, содрогнувшись всем телом. Ей плохо, неприятно сейчас даже от слёз, которые вдруг потекли по щекам. Юра какое-то время смотрит на это зрелище — смотрит и ждёт какого-то знака во взгляде девушки, пока в один момент не делает рывок в её сторону, накрывая её губы своими, растворяясь в этом поцелуе, обжигаясь о её слёзы. Он останавливается ненадолго, чтобы уловить смятение во взгляде Евы. Теперь она больше плачет, и слёзы застывают в её глазах, не смея прорваться новым потоком.

И в это время Ева осознает, о ком говорил Юра, о чьих чувствах он думал как о несуществующих. Она понимает это, всё вмиг проясняется, как и проясняется её взгляд, на губах теплеет улыбка, и слышится:

— Юр, с Новым годом! — и до того, как парень что-то ответит, светлокудая девушка вновь целует его с теми нежностью и любовью, которые вдруг переполняют сейчас юное сердце.

Больше книг на сайте - Knigolub.net